

Д. Н. МАМИН-СИБИРЯК В ОБЩЕКУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ: К 170-ЛЕТИЮ ПИСАТЕЛЯ

УДК 821.161.1-32(Мамин-Сибиряк Д. Н.). DOI 10.51762/1FK-2023-28-01-03. ББК
Ш33(2Рос=Рус)5-8,44
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

ФУТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ СВЯТОЧНОГО НАРРАТИВА Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА

Зырянов О. В.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3327-8116>

А н н о т а ц и я. В статье анализируется малоизвестное произведение Д. Н. Мамина-Сибиряка – его святочная фантазия «Последние огоньки» (1897). Данное произведение рассматривается в широком контексте «святочного» нарратива писателя, охватывающего в общей сложности около трех десятков текстов, большинство из которых имеют характерные жанровые номинации: «святочный рассказ», «рождественский рассказ», «святочная сказка», «святочная фантазия», «предание». При этом особое внимание уделяется контексту авторского сборника-цикла «Святочные рассказы» (1898) и тексту святочной фантазии «Ийи» (1902). Отмечается, что в связи с устойчивым жанровым стереотипом в большинстве святочных рассказов Мамина-Сибиряка («Кум», «Сочельник», «Хитрый немец», «Песня мистера Каль» и др.) акцентируется именно утопический модус исторического будущего, предполагающий торжество присущих христианству нравственно-религиозных ценностей. В противоположность доминирующему утопическому началу святочного (или рождественского) рассказа писатель в «Последних огоньках» создает своего рода «утопию наизнанку» (Н. К. Михайловский), придерживаясь ярко выраженной антиутопической направленности. Вариант его святочной фантазии расценивается как индивидуально-авторский опыт художественной футурологии, содержащий духовно-религиозное обоснование причин заката европейской цивилизации – вплоть до идей национальной разобщенности, губительной силы милитаризма и панмонголизма, а также вырождения европейской расы, последствий ограничения рождаемости и использования в социальной практике принципов евгеники.

Жанрово-композиционная форма «Последних огоньков» определяется как философский фрагмент, служащий выражению четко заявленного антиутопического содержания. В связи с этим в статье проводятся интертекстуальные параллели с антиутопиями «Последнее самоубийство» и «Цецилия» В. Ф. Одоевского, «Краткая повесть об Антихристе» В. С. Соловьева, а также картинами снов о «золотом веке» в произведениях Ф. М. Достоевского («Преступление и наказание», «Идиот», Сон смешного человека). В конце статьи делается вывод о том, что «святочный» нарратив Мамина-Сибиряка активно осваивал обозначенный самим писателем метод «одухотворенного реализма», который предполагал использование отдельных неоромантических и символических тенденций, в том числе творческую ориентацию на жанр притчи, сказки, легенды и предания.

Ключевые слова: Д. Н. Мамин-Сибиряк, Ф. М. Достоевский, В. Ф. Одоевский, нарратив, святочная фантазия, фрагмент, утопический модус, антиутопия, футурология, закат европейской цивилизации

Для цитирования: Зырянов, О. В. Футурологический аспект святочного нарратива Д. Н. Мамина-Сибиряка / О. В. Зырянов. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. 29–43. – DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-03.

FUTUROLOGY ASPECT OF CHRISTMAS NARRATIVE OF D. N. MAMIN-SIBIRYAK

Oleg V. Zyryanov

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin
(Ekaterinburg, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-3327-8116>

Abstract. The article analyzes a little-known literary work by D. N. Mamin-Sibiryak – his Christmas fantasy “The Last Lights” (1897). This work is considered in a broad context of the “Christmas” narrative of the writer, covering, in total, about three dozen texts, most of which have characteristic genre nominations: “Christmas story”, “Christmas tale”, “Christmas fantasy”, and “legend”. At the same time, special attention is paid to the context of the author’s collection-cycle “Christmas Stories” (1898) and the text of the Christmas fantasy “Iyi” (1902). It is noted that in connection with the stable genre stereotype, in most of the Christmas stories of Mamin-Sibiryak (“Kum”, “Christmas Eve”, “The Cunning German”, “The Song of Mister Kal”, etc.), it is the utopian mode of the historical future that is emphasized, which implies the triumph of moral and religious values inherent in Christianity. In contrast to the dominant utopian beginning of the Christmas story, the writer in “The Last Lights” creates a kind of “inside-out utopia” (N. K. Mikhailovsky), following a pronounced anti-utopian course. A variant of his Christmas fantasy is regarded as an individual authored experience of artistic futurology, containing a spiritual and religious justification for the reasons of the decline of the European civilization – up to the ideas of national disunity, the destructive power of militarism and panmongolism, as well as the degeneration of the European race, the consequences of birth control and the use of the principles of Eugenics social practice.

The genre-compositional form of “The Last Lights” is defined as a philosophical fragment that serves to express clearly stated anti-utopian content. In this regard, the article draws intertextual parallels with the anti-utopias “The Last Suicide” and “Cecilia” by V. F. Odoevsky, “A Brief Tale of the Antichrist” by V. S. Solovoyov, as well as pictures of dreams about the “golden age” in the works of F. M. Dostoevsky (“Crime and Punishment”, “Idiot”, “Dream of a Ridiculous Man”). At the end of the article, it is concluded that Mamin-Sibiryak’s “Christmas” narrative actively developed the method of “inspired realism” designated by the writer himself, which involved the use of certain neo-romantic and symbolist tendencies, including a creative focus on the genre of parables, fairy tales and legends.

Keywords: D. N. Mamin-Sibiryak; F. M. Dostoevsky; V. F. Odoevsky; narrative; Christmas fantasy; fragment; utopian mode; dystopia; futurology; decline of European civilization

For citation: Zyryanov, O. V. (2023). Futurology Aspect of Christmas Narrative of D. N. Mamin-Sibiryak. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 1, pp. 29–43. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-03.

Введение

Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка весьма разнообразно и многопланово: в общей сложности оно включает 16 романов (почти половина из них — романы так называемого «второго ряда»), но термин используется без всякой негативно-сниженной оценки), несколько десятков повестей, около пяти сотен рассказов, очерков и сказок, заслуженно снискавших писателю звание классика детской литературы, а также две законченные пьесы и, помимо всего прочего, значительный корпус публицистических и эпистолярных текстов. Растянувшись почти на три с половиной десятилетия (если считать от «первого дебюта» 1875–1877 гг. до года смерти писателя — 1912), творчество Мамина-Сибиря-

ка, естественно, подверглось существенным изменениям и значительным эволюционным трансформациям. Вместе с тем в массовом читательском и литературно-критическом сознании продолжает господствовать представление о некоем едином, пусть и доминантном, типе (или строе) художественности Мамина-Сибиряка, ассоциирующемся, прежде всего, с очерковым характером типизации, с установкой на этнографическую точность, с пристрастием к натуралистическим тенденциям, с так называемым «социальным реализмом», наиболее ярко проявившимся в романах горнозаводского цикла («Приваловские миллионы», «Горное гнездо», «Дикое счастье» и др.).

До сих пор остается актуальным вопрос, сформулированный некогда М. М. Пришвиным: «Почему же у нас не узнали Мамина в лицо?» [Пришвин 1990: 251]. В приведенной формулировке данный вопрос получает неизбежно роковой характер, что указывает на непреодолимый дефицит в познании и понимании Мамина-художника. С одной стороны, это связано, как мы уже отмечали, с серьезно ограниченным объемом публикаций творческого наследия писателя¹, причем как в советское время — с его господствующим креном в социальную проблематику, так и в постсоветской России — с ее недопониманием роли и значения литературного регионализма и — шире — проблемы родиноведения. Второй аспект проблемы акцентирован как раз в размышлениях Михаила Пришвина, а именно — в ответе на поставленный им же вопрос: «Почему же у нас не узнали Мамина в лицо? Я отвечаю: потому не узнали, что смотрели в сторону разрушения, а не утверждения родины» [Пришвин 1990: 251]. В данном случае на первый план выходит уже не количественный фактор (перечень или вообще не изданных, или до сих пор не переизданных сочинений Мамина-Сибиряка), а именно качественный критерий оценки его творческого наследия — внимание к глубинным, ценностно-онтологическим основам художественного мира, к самому фундаменту художественной антропологии и — не в меньшей мере — к особенностям самого художественного строя и нарративной техники писателя. Именно поворот в сторону «утверждения родины» в понимании творчества Мамина-Сибиряка заставляет вплотную поставить вопрос не только о «возвращении» данного писателя, но и его прямой «необходимости»² для нашей современности, российской культуры сегодняшнего дня.

Предмет и материал исследования

В предлагаемой статье речь пойдет лишь о небольшой составляющей творческого наследия Мамина-Сибиряка — о его малоизвестном произведении «Последние огоньки» (1897), которое, однако, мы попытаемся рассмотреть в контексте целостного корпуса святочного нарратива писателя. Об особенностях святочного рассказа, который — в силу некоторой стандартизации его жанрового архетипа — делает писателя «невольником слишком тесной и правильно ограниченной формы», писал еще Н. С. Лесков. Он же дал расширенное понимание святочного рассказа, включающего в свой состав и рассказ собственно рождественский, т. е., по сути, все виды нарратива, относящиеся к святочному временному циклу — «от Рождества до Крещения» [Лесков 1989: 4]. При этом писатель специально подчеркивал, что «и святочный рассказ, находясь во всех его рамках, все-таки может видоизменяться и представлять любопытное разнообразие, отражая в себе и свое время и нравы» [Там же]. Интересно отметить, что озвученная Лесковым программа развития жанра святочного рассказа будет блестяще реализована его младшим современником — Д. Н. Мамин-Сибиряком.

Ко времени интенсивного обращения Мамина-художника к жанру святочного рассказа (конец 1880-х – 1890-е гг.) последний уже стал входить в состав массовой литературной продукции (прежде всего газетного образца), насчитывающей многие тысячи произведений [Душечкина 1995: 195]. Но первое обращение Мамина-Сибиряка к жанровой форме святочного рассказа — «Искорки» (1882), по сути, совпадает с пионерскими опытами в этом жанре самого Лескова. На протяжении примерно двух десятилетий Мамин-Сибиряк создает в

¹ Неслучайно сам Мамин-Сибиряк, под конец жизни уже разбитый параличом, в письме-открытке к петербургскому собирателю автографов А. Ю. Анненскому от 2 марта 1912 г. откровенно-горько признался: «Все, что я умел и мог сказать, мною сказано в моих сочинениях, которых, если собрать все вместе, наберется около 100 томов, а издано около 36» [Мамин 1955: 678].

² Отметим, что в качестве предисловия к сборнику материалов научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения писателя, Г. К. Щенников поместил заметку с достаточно характерным заглавием «Необходимость Д. Н. Мамина-Сибиряка». В ней, между прочим, находим удивительное развитие уже известной нам позиции Михаила Пришвина: «Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка — это духовная культура прошлого, являющаяся действенным фактором культуры сего дня» [Щенников 2002: 13].

общей сложности три десятка произведений, так или иначе пересекающихся с жанровой традицией святочного рассказа. Во-первых, это многочисленные тексты, заключающие в качестве подзаголовка собственно жанровые номинации: «святочный рассказ», «рождественский рассказ», «святочная сказка», «святочная фантазия», «сказка», «предание» (по нашим подсчетам, это, как минимум, 14 произведений). Во-вторых, это тексты, пусть и не имеющие соответствующих жанровых обозначений и прямой сюжетно-фабульной приуроченности к собственно святочному хронотопу, но опубликованные в рождественских и новогодних номерах газеты «Русские ведомости», журналов «Детское чтение» и «Родник»³, а также включенные самим автором в отдельный сборник-цикл «Святочные рассказы» (СПб., 1898). Кстати, в указанный сборник вошли 16 рассказов в следующей последовательности: «Земля не принимает», «Огни», «Душа проснулась», «В девятом часу», «Рай красный», «Отец на новый год», «Страшные дни», «Последний эстетик», «Он», Нечто о бабьей притче, добром черте и потерянном душевном зеркале», «Седьмая труба», «Последнее искушение», «Темные люди», «Бабий грех», «Старая дудка», «Последние огоньки». Заметим, что в Марксовском собрании сочинений писателя (Пг., 1917. Т. 12), данный цикл будет сокращен до двенадцати позиций, что представляется, тем не менее, вполне оправданным в художественно-эстетическом отношении. Подавляющее большинство рассказов, составивших данный цикл, не имеет конкретных жанровых номинаций и, казалось бы, на первый взгляд вообще мало связаны со святочным хронотопом, но именно в составе цикла эти произведения получают свое системное, концептуально-архитектоническое обоснование.

История вопроса, цель и метод исследования

В данной статье наша задача — проследить новаторство Мамина-Сибиряка в жанре святочного рассказа, в выявлении этим художником эволюционных возможностей святочного нарратива. В специальных исследованиях по творчеству писателя уже были отмечены особенности жанровой формы святочного рассказа [Дмитренко 1998; Миночкина 2013; Щенникова 2007; Тулякова 2018]. Так, по мнению Л. И. Миночкиной, Мамину-Сибиряку удается достичь убедительной реалистической мотивировки «основной “рождественской триады” — чудо, спасение, дар» [Миночкина 2013: 185], новаторской трактовки «мотива духовного перелома в сознании человека, традиционно связанного с “рождественским чудом”» [Там же: 192], а также кардинального преобразования «календарной природы» жанра (совмещения в ней одновременно событий Рождества, святок и праздника Пасхи). По мнению исследовательницы, отходя от жанровых стереотипов святочного рассказа, Мамину-художнику в лучших образцах данного жанра удается создать подлинные шедевры [Там же: 191]. Как смелое преобразование жанровой формы С. Ф. Дмитренко также трактует то, что рождественские и пасхальные сюжетно-мотивные комплексы в некоторых рассказах Мамина-Сибиряка объединены, «придавая понятию “святочный рассказ” древнеславянское значение торжественного дня в жизни, высокого праздника» [Дмитренко 1998: 92]. О «системности автора в отношении жанра» на примере архетипа святочного рассказа и жанровой формы притчи, что проявляется прежде всего в апеллировании к онтологическим категориям, пишет Н. А. Тулякова, тут же, однако, уточняя дифференциальные признаки указанных пограничных

³ Так, например, для рассматриваемого нами исторического времени вполне показателен следующий факт, отмеченный Н. С. Лесковым в предисловии к его книге «Святочных рассказов» (1889): «Предлагаемые в этой книге святочные рассказы написаны мною одновременно для праздничных — преимущественно для рождественских и новогодних номеров разных периодических изданий» [Лесков 1989: 440].

⁴ Таким образом, сборник «Святочных рассказов» превращается в самый настоящий авторский цикл. Заметим, что Мамин выводит из состава цикла четыре текста — «Земля не принимает» и «Темные люди», а также рассказ «Он», включив его в сборник «Детские тени» (1898), и эскиз «Седьмая труба», определив его место в сборнике «Сибирские рассказы» (1905). В составе из 12 рассказов святочный цикл начинает выглядеть значительно более строгим в архитектурном отношении (об том еще речь впереди).

жанров [Тулякова 2018: 28–29]. Но, пожалуй, самой важной проблемой в разговоре о специфике святочного нарратива Мамина-Сибиряка становится оценка его доминирующей эстетической модальности. Обращает на себя внимание, что некоторые из святочных произведений писателя (и прежде всего, это касается авторской фантазии «Последние огоньки») заканчиваются далеко не благополучно, что выражается в акцентировке антиутопического модуса мироотношения. Подобная эстетическая двойственность (или даже амбивалентность), одновременное сосуществование в композиционно-архитектонической структуре цикла «Святочных рассказов» двух модальностей — утопического и антиутопического мироотношения — следует признать одной из самых отличительных особенностей святочного нарратива Мамина-художника. Именно данной проблемы мы и постараемся коснуться в этой статье, используя методы нарративного, сравнительно-типологического и семиоэстетического анализа.

Утопический модус святочного нарратива

О социальной утопии и роли в ней притчевого начала на примере маминского романа «Без названия» (1894) в свое время убедительно писал И. А. Дергачев; он же отмечал в качестве кардинального вопроса, мучающего писателя, — «вопрос о соотношении “совести” и богатства», вопрос о гармонизации социальных отношений, прямо ссылаясь на известный тезис Максима Горького о том, что «социальная идея поэтизирует личное бытие» [Дергачев 1992: 132]. Напомним, что в малоизвестном очерке «Жизнь хороша» (1889) Мамин-Сибиряк передает предсмертные размышления некоего «приискового волка», москаля Евгеньича, умирающего от застрявшей в горле «глупой кости» и так до конца не реализовавшего своего жизненного предназначения (отчество героя, возможно, отсылает к типическому характеру Евгения Базарова, также умирающего от случайного пореза пальца). Но для нас более интересной представляется параллель с философско-утопическими воззрениями другого маминского персонажа — Василия Тимофеевича Окомова. Знаками подобного схождения в таком случае становятся и опознаваемая цитата из «Фауста»

Гете об остановившемся «прекрасном мгновении», и размышление героя о том, что «оно (прекрасное мгновение, высший миг, образ будущего? — О. З.) не умрет, значит, не умру и я. Я буду тут, с этими людьми, которые придут сюда... везде... О, их так много, и я так их всех люблю! Есть идеи и чувства, которые висят в воздухе. Я не чувствую себя больше одиноким, и жизнь хороша. Не я, так другой, не другой, так третий: оно идет...» [Сибиряк 1889: 142; курсив в цитате принадлежит автору]. Данное высказывание напрямую перекликается с предсмертными словами Окамова: «Я буду всегда с вами. Возьми книгу — разве человек, который написал ее, умер? Он говорит с тобой. Он заставляет тебя плакать и смеяться — значит, он жив... Я очень много работал и очень много любил и тоже не умру. Любовь не умирает...» [Мамин-Сибиряк 1981: 502]. Приведенные примеры, наглядно передающие суть социальной утопии писателя, поддерживаются и мечтательными интенциями сознания героев святочных (преимущественно даже рождественских) рассказов. Образ прекрасного исторического будущего — это вообще ведущее начало утопического модуса святочного нарратива. В качестве составляющих этого прекрасного идеала у Мамина-Сибиряка выступают идеи труда, справедливого общественного устройства и истинной христианской любви. Так, идея гармонии личного и коллективного труда как основы духовного развития личности и достижения ею счастья, даже некоей «формулы бессмертия» заявляет о себе не только в социальной утопии художника, но продолжает звучать и в нравственно-философском поле святочного нарратива. Достаточно вспомнить в этой связи концовку святочного рассказа «Рождественские огни» (1903) — наставление мистрис Грей невесте главного героя Павла Егорыча Иванова: «Милая моя девушка, вот твои рождественские огни (на поверку оказавшиеся огнями доменных фабричных печей. — О. З.)... В них заложено много труда. А где труд — только там счастье. Будьте счастливы, дети мои... именно таким трудовым счастьем» [Мамин-Сибиряк 1916: 31]. Важно, что в данной сцене именно героине-англичанке (как представительнице страны родоначальника рождественского

рассказа — Чарльза Диккенса) передана писателем ведущая интенция святочной морали.

Но еще более поэтическим образом глубинная суть рождественского откровения передана в святочном рассказе «Кум» (1888), пожалуй, наиболее полно задающем эталонное выражение самого жанрового архетипа. Позволим себе достаточно обширную цитату из рассказа, известного только по газетной публикации:

Маленький городок. Пастушья пещера. Над ней теплится яркая звезда. В воздухе проносятся сонм ангелов. Грубые, невежественные пастухи прошли первые в пещеры, где свершалась великая тайна. Восточные мудрецы покорно склонили свои головы пред лежавшим в яслях младенцем. А там вверху, в бездонной глубине неба, торжественно разливалась песня о спустившемся на землю мире, любви и всепрощении. В миллионах миллионов обремененных и страждущих отзовется эта весть мира... Осушатся слезы. Примирятся враги. Позабудутся обиды. Умирится душа. Святыня материнства здесь служила залогом искупления, и в нем небо сливалось с землей.

Много впереди слез, крови, несчастья, но весть о мире уже пронеслась, и крепче всего она коснулась несчастных, отверженных, униженных. Глубокая тьма языческого мира распалась перед кротким сиянием рождественской звезды. С лежавшим в яслях Ребенком родился необъятный духовный мир: повторялся акт творения, великий, необъяснимый, и двери неба открылись перед первой женщиной, потому что она — вечная и неумирающая любовь. Каждая мать, даже самая грешная, приобщается к этой любви уже своими материнскими страданиями, и великая тайна физического и духовного обновления совершается незримо [Сибиряк 1888].

Данный фрагмент удивительным образом напоминает лирико-философский этюд Н. В. Гоголя «Жизнь» из сборника «Арабески», открывающий вторую часть авторского цикла и приближающийся к жанровой форме стихотворения в прозе. Но в проблемно-содержательном отношении здесь напрашивается прямая аналогия с образцом святочного нарратива⁵. Будто бы наследуя гоголевской традиции, Мамин-Сибиряк именно с рождением христианской религии связывает духовное обновление всего человечества и именно в нем усматривает гарант возможного идеального образа будущего, духовную основу самой «живой жизни». Окончательный вывод рождественской истории в рассказе «Кум» оформляется в размышлении героини Филаниды Егоровны, находящейся в состоянии душевного переворота, некоего духовного прозрения: «Везде родится Христос... каждый год родится... <...> Стоит жить... нужно жить. Есть жизнь выше личного существования и личных интересов и, прежде всего, любовь — святая, великая материнская любовь...» [Сибиряк 1888]. Однако, и тут же наряду с апологией святой материнской любви начинает звучать уже отмеченный нами чисто гоголевский концепт: «Жизнь — это великая армия, которая идет вперед, и вот нужно помогать отставшим, изнемогшим, раненым, павшим в бою... Много слабых — им нужна помощь прежде всего, и всех нужнее здесь помощь отверженной, униженной, оскорбленной матери, а это может сделать одна любовь, которая родилась с Христом» [Там же]. Схожие мысли об образе идеального будущего можно найти и в других святочных рассказах писателя: «Сочельник», «Хитрый немец», «Песня мистера Каль».

«Последние огоньки» в контексте святочного нарратива

Как мы уже отмечали, интересующая нас святочная фантазия включена писателем в

⁵ Примечательно, что цивилизации древнего Египта, веселой Греции и железного Рима Гоголь противопоставляет святую землю Палестины, окрестностей Иерусалима, как место рождения Христа: «Камениста земля; презренен народ; немногочисленная весь прислонилась к обнаженным холмам, изредка, неровно оттененным иссохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградой стоит ослица. В деревянных яслях лежит Младенец; над Ним склонилась Непорочная Мать и глядит на Него исполненными слез очами; над Ним высоко в небе стоит звезда и весь мир осияла чудным светом» [Гоголь 1994 т. 6: 249].

сборник-цикл «Святочных рассказов» (1898). Интересно, что и в данном сборнике, состоящем из 16 произведений, «Последним огонькам» отводилась самая ударная — финальная позиция. В цитируемом нами Марксовском собрании сочинений цикл воспроизводится в более сжатом варианте из 12 текстов, но и в этом случае «Последние огоньки» завершают цикл, более того, образуют с начальным текстом (рассказом «Огни») ⁶ некое значимое обращение, так называемый «рамочный текст».

Действие рассказа «Огни» происходит августовской ночью и, казалось бы, вообще никак не соотносится с календарным циклом святок или Великого поста, заканчивающегося праздником Пасхи, Светлого Христова Воскресения. На железнодорожных путях сторожем Андреичем обнаружены два расколника, «скитские старцы» (старик-скитник и малый парень Алеша). На вопрос «Кто вы такие будете?» скитники отвечают: «А ничьи... так, Божии...» [Мамин-Сибиряк 1917: 126]⁷. На железную дорогу их приводит желание увидеть проходящий поезд, который в их сознании воспринимается как огонь, запряженный в колесницу, как напоминание о последних временах, когда «внутренний огонь пожирает каждого — вот все и торопятся...» (с. 126). Движение поезда вызывает ассоциации с «яркой звездой, рассыпавшей лучи яркого света» (как бы некий двойник-антипод рождественской Вифлеемской звезды), а также с неким «огненным змеем», гремящим «железным хвостом» (с. 127), что обуславливает апокалиптическую модальность и задает откровенно инфернальные коннотации.

Вообще нужно отметить, что в цикле «Святочных рассказов» Мамин-Сибиряк выступает истинным новатором: он не только смешивает святочные рассказы с новогодними («Отец на Новый год») и пасхальными («Душа проснулась», «Рай красный», «Страшные дни»), но и вводит в их состав, так скажем, морально-дидактические истории, чаще всего семейные, в которых действуют герои,

относящиеся к различным поколениям («В девятом часу», «Последний эстетик», «Старая дудка»; отчасти и «Огни» могут быть отнесены к этому разряду). Уже заглавия названных рассказов говорят сами за себя. К подобному проблемно-тематическому комплексу тяготеет и заключительный очерк цикла «Последние огоньки», в котором четко просматривается конфликт поколений — хотя бы на примере старой пары звездочета Прото и жрицы Меон, с одной стороны, и круга молодых девушек, во главе которого выступает внучка жрицы Меон — Леа.

Особое место в составе цикла отводится святочной сказке «Нечто о бабьей притче, добром черте и потерянном душевном зеркале» (1896), которую можно рассматривать как непревзойденный вариант сказового повествования. В основе сказки-притчи лежит житийный архетип — ситуация испытания простой бабы Матрены чертом. Не случайно ситуация искушения серебряными пяточками и преодоления этого искушения получает откровенно притчевое звучание, о чем и свидетельствует рассказанная история о душевном зеркале, доставшемся из скита старца и служащего воплощением человеческой и божеской совести. Характеристика черта в сказке Мамин-Сибиряка (ср.: «Выскочил от нее [бабы] черт, как ошпаренный», с. 161) напрямую перекликается с известным пассажем из гоголевской «Ночи перед Рождеством» (кстати, одним из ранних вариантов святочного рассказа): «Тут, схвативши хворостину, отвесил он [Вакула] ему [черту] три удара, и бедный черт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель. И так, вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен» [Гоголь 1994 т. 1: 127]. Совершенно в гоголевском каламбурном духе звучит фраза, характеризующая «бедного черта»: «Не черт, а черт знает что такое...» (с. 162). Отметим еще одну параллель с гоголевским текстом. Когда черт ходил с душевным зеркалом, то все пя-

⁶ Практически начиная с первого опыта в жанре святочного рассказа «Искорки» (1882) весь святочный нарратив Мамин-Сибиряка оказывается буквально пронизан мотивом огня, огоньков, света, несущим на себе ярко выраженное символично-аллегорическое значение. Это относится и к рассказу «Рождественские огни» (1903).

⁷ Далее все ссылки на это издание приводятся в самом тексте с указанием страниц в скобках.

тачки бабы Матрены «превратились в горячие уголья», сама же баба «чуть и лавку свою не сожгла» (с. 162). В другой повести Гоголя «Вечер накануне Ивана Купала» гибель Петруся, продавшего свою душу дьяволу, описывается так: «Вся хата полна дыма, и посередине только, где стоял Петрусь, куча пеплу, от которого местами подымался еще пар. Кинулись к мешкам: одни битые черепки лежали вместо червонцев» [Гоголь 1994 т. 1: 51]. Но рассказанная Маминым-художником святочная история получает благополучный финал, поражает глубоко оптимистическим настроением, свойственным жанру русской народной сказки.

Отметим ещё одну важную параллель. В 1902 году в «Русских ведомостях» (№№ 48, 59) Мамин-Сибиряк печатает произведение с названием «Ийи» и с характерным жанровым подзаголовком «святочная фантазия» [Мамин-Сибиряк 1955: 188]. Указанная номинация во многом объясняет жанровую природу текста «Последних огоньков», который в газетном варианте также имел подобное жанровое обозначение. Рассказ «Ийи» представляет собой отклик писателя на англо-бурскую войну 1899–1902 гг. Но повествование носит откровенный гротесково-сатирический характер. Ийи — это африканский людоед, которого казнит офицер английских войск Арчибальд. Но сам офицер из куска кожи казненного африканца заказывает кожаную записную книжку в золотой оправе с бриллиантами в подарок своей невесте мисс Мод. И невеста с несказанной радостью принимает подарок своего жениха. Данная Маминым характеристика современных европейских нравов (этих, казалось бы, гуманно-просвещенных и цивилизованных представителей белой расы) во многом объясняет апокалиптическую картину разрушения европейской цивилизации, извратившей принципы гуманизма и просвещения, так наглядно-блестяще обрисованную в святочной фантазии «Последние огоньки».

Опыт индивидуально-авторской футурологии

В жанрово-нарративном отношении «Последние огоньки» — это достаточно сложное образование, которое представляет собой философский фрагмент с явно выраженным антиутопическим началом. В защиту жанра фрагмента (или отрывка) свидетельствует особая графическая форма — подчеркнутый самим автором целый ряд точек, которым открывается произведение. В содержательном отношении можно говорить и о некоем индивидуально-авторском опыте научной футурологии.

Сразу же оговорим, что под футурологией мы понимаем не какие-то частные предсказания, но именно прогнозирование глобальных изменений в образе существования всей человеческой цивилизации (по крайней мере в ее передовой части — евро-американской) в результате появления новых технологий, усиленного развития научно-технического прогресса. Литература Нового времени, как правило, разрабатывала футурологические проекты в жанре антиутопии, в котором особенно акцентировалась проблема цены научно-технического прогресса, оборачивающегося зачастую духовно-нравственной деградацией человечества. В сходном ключе выстраивается и сюжет маминской антиутопии «Последние огоньки». Изображая в ней картину крушения всей европейской цивилизации, писатель отводит особую роль в данном процессе именно научному прогрессу, который вместо того, чтобы уничтожить всякие этнографические границы и всякую расовую обособленность, привел к целому ряду ужасных катастроф.

Вот как это представляется сознанию героя Прото — некоего почти столетнего старца, всю жизнь посвятившего науке астрономии. С его научно-мировоззренческой позиции, отправной точкой необратимого процесса взаимного уничтожения европейских народов стало открытие воздухоплавания, с которого Европа начала отсчет новой эры, обернувшейся в то же время ее неизбежным вырождением⁸.

⁸ Не лишним будет напомнить, что открытие эры воздухоплавания связывается с изобретением аэростата (1783, братья Монгольфье) и первым полетом дирижабля (24 сентября 1852 г., кстати, год рождения самого Мамина). Показательно также, что с самого начала новейшее изобретение стало использоваться для военных целей, в том числе получило широкое использование во время франко-прусской войны 1870–1871 гг.

Приведем достаточно обширный, но необходимый для понимания сути происходящего текстовый фрагмент:

Благодаря новому открытию вся старая Европа очутилась в огне. <...> Романские, англо-саксонские и славянские расы превзошли друг друга в братской ненависти, и жестокая цивилизация рухнула сама собой, раздавленная собственной жестокостью. Последний удар, нанесенный Европе желтолицыми варварами, был только неизбежным результатом всей европейской политики. Да, Европа несколько сот лет учила желтые расы искусству истребления, пока ученики не применили свои знания на ней самой. <...> Варвары по-своему воспользовались величайшим открытием (Европа начала счет новой эры со дня открытия воздухоплавания) и превратили Европу в пустыню. Когда все стихло и некому уже было сражаться, американские миллиардисты купили у желтолицых кровавое пепелище, и старая Европа теперь заросла травой и лесом, наполнилась хищными зверями и благородной дичью. Миллиардисты устроили из Европы грандиозный охотничий парк, где они отдыхали после своей хищнической работы (с. 188).

В приведённом отрывке писатель не только свидетельствует о закате европейской цивилизации, но и раскрывает духовно-религиозные причины вырождения «бедной Европы», что в контексте нашего времени приобретает особую актуальность и провидческое значение.

Показательна реакция на индивидуально-авторский опыт футурологии у Мамин-Сибиряка со стороны современной ему литературно-критической и общественно-философской мысли. Речь идет о критическом обзоре Н. К. Михайловского, редактора журнала «Русское богатство», начавшего свой внутренний журнальный раздел «Литература и жизнь» (№ 2 за 1898 г.) именно с разбора святочной фантазии «Последние огоньки». Как видим, маститый критик достаточно оперативно отреагировал на газетную публикацию писателя (от 25 дек. 1897 г.), придав ей неординарное значение, более того, введя разговор о ней в более широкий контекст размышлений о будущем цивилизации вообще, о выро-

ждении и прогрессе, а также о научно-философских теориях дарвинизма и ницшеанства. По признанию самого критика, его занимал больше всего «собственно замысел сказки, эта попытка фантазии заглянуть в далекую даль будущей истории» [Михайловский 1898: 133]. Образ будущего (на сей раз отдаленного исторического будущего) — опять-таки оказывается в центре внимания святочного нарратива писателя. Но только, в отличие от большинства известных нам произведений утопического жанра, святочная фантазия Мамин-Сибиряка носит не оптимистический, а пессимистический характер, по существу это «мрачная фантазия», в которой рассматривается «вопрос о социальной роли технического прогресса» как условия крушения европейской цивилизации — вплоть до аналитической проработки идей национальной разобщенности, губительной силы милитаризма и панмонголизма, а также вырождения европейской расы, последствий ограничения рождаемости и использования в социальной практике принципов евгеники. Действительно, «как ни очевидны недосмотры этой святочной фантазии, как ни односторонне освещается ею далекое будущее, — отмечал критик Н. К. Михайловский, — она может заставить призадуматься над многими явлениями современности» [Там же: 134]. Подчеркнув «скептицизм автора по отношению к благодеяниям технического прогресса», журнальный критик по достоинству отметил, что «нужна известная смелость, чтобы нарисовать подобную утопию наизнанку» [Там же: 139].

Смелость художественных прогнозов Мамин-Сибиряка сближает их с известным апокалиптическим сном Раскольникова из эпилога романа «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского. Переключки касаются в первую очередь картины всеобщего разрушения: «Люди убивали друг друга в какой-то бессмысленной злобе. Собирались друг на друга целыми армиями, но армии, уже в походе, вдруг начинали сами терзать себя... <...> Все и всё погибало» [Достоевский 1973 т. 6: 420]. Но также заметим, что Достоевский осторожно намекает на то, что «спастись во всем мире могли только несколько человек, это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и

очистить землю...» [Там же]. По сути, это указание на некий в новых исторических условиях Ноев ковчег, предполагающий небольшое количество настоящих праведников, удостоенных спасения. Именно эта тема будет подхвачена Маминым-Сибиряком, но осмыслена им, как мы увидим в дальнейшем, в совершенно неоднозначном и куда более пессимистическом ключе.

Картина крушения европейской цивилизации под натиском желтолицых варваров, хлынувших на Европу «во всеоружии последних слов науки», заставляет вспомнить и прогностические воззрения известного философа В. С. Соловьева, высказанные им в трактате «Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории, со включением краткой повести об Антихристе и с приложениями» (М., 1900), особенно в той его части, которая касается идей панмонголизма и азиатского нашествия на Европу. В предисловии к этому трактату В. Соловьев специально подчеркивал, что в «истории монгольско-европейских отношений ничто не взято прямо из Св. Писания, хотя многое имеет здесь достаточно точек опоры», и что для него как автора важно было «реальнее определить предстоящее страшное столкновение двух миров — и тем самым наглядно пояснить настоятельную необходимость мира и искренней дружбы между европейскими нациями» [Соловьев 1994: 423]. Но принципиально то, что В. Соловьев пытается остаться на почве более исторического подхода, ограничивая монгольское нашествие на Европу границами лишь XIX столетия и не более чем полувековым периодом подчинения азиатским варварам. Следовательно, полного разрушения европейской цивилизации В. Соловьев в своей «Краткой повести об Антихристе» не предрекает, более того, даже предпочитает говорить о всеобщей мобилизации европейских народов, дающих заслуженный отпор несметным полчищам из Китая, в результате чего «Европа в XXI веке представляет союз более или менее демократических государств — европейские соединенные штаты» [Там же: 463]. Только с приходом в мир Антихриста, по мнению философа, начинается апокалиптический, хотя и достаточно кратковременный, период общечеловеческой истории. В этом плане сюжетно-фа-

бульный аспект «панмонголизма» в святочной фантазии Мамина-Сибиряка приобретает более катастрофическое значение, по сути, становясь началом полного и окончательного распада всей европейской цивилизации — даже в ее, казалось бы, уже новом, возрожденном варианте островной утопии.

В тексте Мамина — художника специально оговаривается, что именно в эпоху крушения старой Европы произошло заселение Архипелага, на островах которого собрались беглецы из разных углов Европы. Но сам этот во многом мифологический топос заставляет вспомнить как традицию островной утопии, так и значимые для этой традиции тексты Достоевского — сон Версилово из романа «Подросток» и, конечно же, «Сон смешного человека».

Примечательно, что в очерке Мамина-Сибиряка характер общегития на Архипелаге носит теократический характер: во главе общества стоит каста жрецов. Но в то же время в этом теократическом обществе наибольшим авторитетом пользуются именно научно обоснованные доводы и аргументы: например, заключение среди молодых людей исключительно весенних браков, которые наука считает наиболее счастливыми. Следовательно, данное общество не может быть признано патриархальным, как это представлено, например, в картинах «золотого века» у Достоевского. Главные герои очерка — ученый старец Прото и жрица Меон, некогда любившие друг друга, но так и не соединившиеся в браке благодаря роковой случайности — относятся к разряду правящей элиты, группе признанных духовных авторитетов: Меон — главная жрица в храме Мира; напротив, в обсерватории, в которой проживает Прото, устроен храм Войны.

Однако никакие научные знания, согласно Мамину-художнику, не могут спасти жизнь бледнолицего племени на Архипелаге. И причина здесь не в злом умысле их врагов — желтолицых, предводитель которых, кстати, отказался от истребления последних европейцев, мотивируя это следующим соображением:

«Пусть они постепенно вымрут сами собой, это — самая страшная казнь. Желтолицый да не прикоснется к этой белолицей твари, обреченной на вымирание» (с. 188).

Главная причина того, что даже столь идеальный топос, как Архипелаг, становится «чем-то в роде зачумленного места», заключается не во внешней угрозе или опасности, а внутри душевно-духовной организации самого европейского племени:

«Белолицые потомки расплачивались за все грехи своих предков, точно они несли проклятие в своей крови и в своих нервах» (с. 189).

Заметим, что данная мысль опять-таки приписана герою Прото, интенциям его сознания с преобладанием рационально-логического, в данном случае научно-медицинского дискурса вырождения. Именно ему принадлежит горькое пророчество: «О, горе нам! Это смерть заживо... <...> Если бы нам хоть капельку желтой крови...» (с. 189). Насколько солидарен с этим умозаключением сам автор-повествователь — это отдельная проблема, которой мы коснемся в дальнейшем лишь частично.

Интертекстуальный фон святочной фантазии

Попытаемся проследить конкретные параллели со сном Версилова из романа «Подрасток». «Золотой век» человечества разворачивается у Достоевского в уголке Греческого архипелага «за три тысячи лет назад» в лучах заходящего солнца. Вот характерный пассаж: «...Это заходящее солнце первого дня европейского человечества, которое я видел во сне моем, обратилось для меня тотчас, как я проснулся, наяву, в заходящее солнце последнего дня европейского человечества! Тогда особенно слышался над Европой как бы звон похоронного колокола» [Достоевский 1975 т. 13: 375]. Как видим, утопия «золотого века» (эта своего рода колыбель европейской цивилизации) у Достоевского отнесена к далекому мифологическому прошлому и призвана оттенить эсхатологичность современного момента, трагически-преходящее состояние «европейского старого мира». Прослеживаемые драматические изменения, по мысли писателя, во многом обусловлены последствиями франко-прусской войны 1870–1871 гг., приведшими к оккупации Франции немецкими войсками, а также к событиям Парижской Коммуны, в том числе и к

сожжению бывшей резиденции французских королей — дворца Тюильри. Нечто подобное может быть прослежено и в логике антиутопической фантазии Мамина-Сибиряка. В размышлениях Прото есть указание на то, что крушение европейской цивилизации происходило за две тысячи лет назад, но, по сути, захватывало века почти что с самого начала возникновения христианства:

Он видел эти государства, превращенные в военные лагеря, видел, как все мысли все сильнее сосредоточивались на одной — уничтожить ближнего и захватить его владения, как во имя учения о любви жгли людей на кострах, как во имя цивилизации истреблялись племена дикарей, как святая наука работала на этом же пути взаимного уничтожения и подкладывала огонь в костер (с. 188).

Можно говорить о парадоксальном решении антиутопической темы у Мамина-Сибиряка. Так, после эсхатологической картины гибели европейского племени, казалось бы, на какой-то момент появляется возможность духовно-нравственного возрождения — обновления человечества на спасительном Архипелаге. Но, однако, сама жизнь на Архипелаге неминуемо приближается к своему концу в связи с разрушением семейно-брачных отношений и катастрофически сложившейся ситуацией с деторождением. Девушки на Архипелаге, как свидетельствует старая жрица Меон, «не хотят замужества, потому что боятся материнских мук и не хотят расстаться со своей девичьей красотой» (с. 189). Таким образом, в самой островной утопии обнаруживаются негативные тенденции, заставляющие говорить о втором витке авторского антиутопического замысла.

Параллели с текстами Достоевского мы уже отметили. Обратим внимание на еще один значимый контекст. У нас в России традиция научной антиутопии может быть возведена к основоположнику научно-философского жанра — князю В. Ф. Одоевскому, автору первого собственно философского романа «Русские ночи» (1844). Напомним, что в этот роман (в особенности ночь 4-я и 5-я) был включен целый ряд философских фрагментов, или отрывков, антиутопической направ-

ленности — прежде всего «Последнее самоубийство» и «Город без имени». Обращение к экономическим теориям Мальтуса в одном случае («Последнее самоубийство») и учению Бентама во втором случае («Город без имени») позволило Одоевскому смоделировать чудовищные картины духовного вырождения человечества как логическое следствие, возведение ad absurdum «нелепых выкладок» английского экономиста Мальтуса и апологета этики «утилитаризма» Бентама. Интересно также достаточно причудливое, можно сказать, почти гротесковое сочетание в составе 4-й ночи романа двух фрагментов — «Последнего самоубийства», отмеченного печатью безысходного трагизма, и отрывка «Цецилия», в котором, по словам автора, «видно воздействие религиозного чувства» [Одоевский 1975: 58], о чем напоминают и возвышенная торжественность тона, и обилие библейских выражений. В философско-символическом фрагменте Мамина-Сибиряка антиутопическая картина, поражающая не меньшим, чем у Одоевского, злоещим колоритом, включает в себя также некоторые интенции религиозного сознания (о чем еще речь впереди).

Приведем лишь небольшой фрагмент из «Цецилии» Одоевского с изображением храма, контрастно противостоящего железной решетке темницы, в которой, как мы можем догадываться, томился сам автор-сочинитель данного отрывка, ставшего предметом обсуждения для группы молодых Любомудров — героев романа (все курсивные выделения в тексте здесь и далее принадлежат автору статьи):

А там, за железною решеткою, в храме, посвященном св. Цецилии, все ликовало; лучи заходящего солнца огненным водопадом лились на образ покровительницы гармонии (Цецилия — святая католической церкви, жившая в первой половине третьего века и считающаяся покровительницей духовной музыки. — О. З.), звучали ее золотые органы и, полные любви, звуки радужными кругами разносились по храму... [Одоевский 1975: 59].

Примечательно, что в символической фантазии Мамина-Сибиряка схожим образом изображается обстановка Архипелага и некий храм Мира (основное место действия): та же цветовая гамма, только акустические (или музыкальные) доминанты в изображении сменяются на живописно-цветовые и даже цветочные (или флористические):

Еще вечером с главного острова, где стоял храм Войны, была подана сигнальная ракета, в ответ на которую с других островов посыпались ответные огни, отражавшиеся в море золотым дождем. Картина получалась замечательная, точно рушилось самое небо, рассыпаясь огненной пылью, погасавшей в холодной синеве моря. <...> Внутренность храма убиралась зеленью, цветами, причудливыми драпировками и бесчисленными огнями.

Храм представлял собой громадное здание, окруженное белой колоннадой, поддерживавшей двойной золотой купол (с. 186).

Продолжим рассмотрение роли флористической образности в философском фрагменте Мамина-Сибиряка. Неслучайно в самом начале повествования автор фиксирует внимание на расцветающей в горах фиалке — «душистой, нежной и скромной, как молодая девушка», а также на диких розах, зацветающих в теплых долинах. В воспоминаниях жрицы Меон всплывают «счастливые молодые парочки, украшенные цветами» (с. 186). Будучи еще семнадцатилетней девушкой, Меон опять-таки в весеннюю ночь искала своего «счастья», под которым подразумеваются «ночные цветы», всё те же фиалки и розы⁹. Интересно, что в финале произведения также фигурируют цветы, которыми приветственные хоры горожан должны были осыпать новобрачных. Но поскольку в процессии молодых людей не было ни одной пары, приготовленные цветы были брошены горожанами и растоптаны ногами. Вместо цветов сверху, с башни храма Мира девушки во главе с Леа (внучкой жрицы Меон) в

⁹ Попутно отметим, что фиалка, действительно, чаще всего символизирует пробуждение природы, чистоту, невинность, добродетель, пожелание счастливой семейной жизни, преданность своему любимому, хотя, например, у древних греков, как известно, фиалка считалась цветком печали и смерти.

качестве некоего вызова бросают в толпу листья папоротника, семантика которого преподносится как эмблема безбрачия и символ вечной молодости.

Окончание философского фрагмента у Мамина-Сибиряка особенно примечательно в ритмическом отношении. Приведем саму концовку данного фрагмента с выделением полужирным шрифтом женских, дактилических и гипердактилических клаузул составляющих его слов, характер которых напрямую определяет ритмический рисунок текста:

Толпа обступила башню и страшно волновалась, пока с вершины башни ее не осыпали простыми листьями папоротника, — папоротник служил эмблемой безбрачия. Широкие прорезные листья тихо кружились в воздухе, точно зеленые перья, а вместе с ними отлетали и последние надежды (с. 190).

Семантика папоротника как эмблемы безбрачия автор-повествователь, возможно, выводит из того предположения, что папоротник символизирует вечную молодость. А как мы помним, девушки во главе с Леа как раз «боятся материнских мук и не хотят расстаться со своей девичьей красотой» (с. 189). Но при этом все равно остается некая амбивалентность семантики: листья папоротника сравниваются с зелеными перьями, но зеленый цвет всегда выступает как цвет самой жизни, ассоциирующийся с весенним преобразованием природы, не случайно зеленая часть спектра легче всего воспринимается человеческим глазом. Зеленый цвет — это еще и цвет гармонии и равновесия, цвет надежды. Тем более странно и парадоксально наблюдать этот цвет в контексте акцентируемых самим автором отлетающих последних надежд европейского племени, населяющего Архипелаг. Как бы там ни было, но само заглавие святочной фантазии «Последние огоньки» напрямую перекликается с мотивом «последних надежд», которым

заканчивается оригинальный текст философской антиутопии Мамина-Сибиряка.

Выводы.

Как мы имели возможность убедиться, рассмотренный в статье святочный нарратив Мамина-Сибиряка предстает, как правило, в двух разновидностях — в зависимости от утопического или антиутопического решения исходного для данной жанровой формы образа будущего. Однако обе отмеченные модальности в художественном сознании писателя оказываются взаимосвязаны: они строго определяются по отношению к ведущим ценностям святочного нарратива — трудовой морали, справедливого общественного мироустройства и идеала христианской любви.

Неукоснительное следование указанным ценностям соответствует сложившемуся жанровому стереотипу святочного рассказа, формирует эталонные тексты данной жанровой традиции. Отступление от указанных ориентиров, забвение семейно-родовых ценностей, подрыв института семьи и семейно-брачных отношений, что мы наблюдали в святочной фантазии «Последние огоньки», выводит к горизонтам уже иного, антиутопического жанра, но это как бы «от обратного» только подтверждает ведущие мировоззренческие постулаты и аксиологические ориентиры святочного нарратива.

В любом случае рассмотренные примеры святочной прозы Мамина-Сибиряка соответствуют обозначенному самим писателем методу «одухотворенного реализма», который не отрицал неоромантических и символистских тенденций, но даже, более того, предполагал ориентацию на жанр притчи, сказки, легенды, предания, при этом напрямую соотносясь с народнопоэтическими и духовно-религиозными представлениями, коллективным опытом русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

- Гоголь, Н. В. Собрание сочинений : в 9 т. / Н. В. Гоголь. — М. : Русская книга, 1994.
- Дергачев, И. А. Социальная утопия Д. Н. Мамина-Сибиряка / И. А. Дергачев // Дергачев И. А. Д. Н. Мамин-Сибиряк в литературном контексте второй половины XIX века. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1992. — С. 120–138.
- Дмитренко, С. Ф. Художественное своеобразие святочных рассказов Д. Н. Мамина-Сибиряка: канон жанровой формы и возможности ее преобразования / С. Ф. Дмитренко // Дергачевские чтения – 98: Русская литература: национальное развитие и региональные особенности : материалы междунар. науч. конференции / отв. редактор А. В. Подчинов. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1998. — С. 91–93.

- Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / Ф. М. Достоевский. – Л. : Наука, 1972–1990.
- Душечкина, Е. В. Русский святочный рассказ: становление жанра / Е. В. Душечкина. – СПб. : Языковой центр СПбГУ, 1995. – 256 с.
- Лесков, Н. С. Собрание сочинений : в 12 т. Т. 7 / Н. С. Лесков. – М. : Правда, 1989. – 464 с.
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. Рождественские огни. Святочный рассказ / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – М. : Типография К. Л. Меншова, 1916. – 31 с.
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. Полное собрание сочинений : в 12 т. Т. 12 / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – Пг. : Изд-во Т-ва А. Ф. Маркс, 1917. – 548 с.
- Мамин-Сибиряк, Д. Н. Собрание сочинений : в 8 т. Т. 8 / Д. Н. Мамин-Сибиряк. – М. : Гослитиздат, 1955. – 752 с.
- Миночкина, Л. В. «Святочные рассказы»: трансформация жанровой формы / Л. В. Миночкина // Творческое наследие Д. Н. Мамина-Сибиряка: итоги и перспективы изучения / под общ. ред. [и с предисл.] О. В. Зырянова. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 2013. – С. 181–201.
- Михайловский, Н. К. Литература и жизнь. Рождественская сказка г. Мамина. – Будущность цивилизации. – Вырождение и прогресс. – Дарвинизм и нищезанятие / Н. К. Михайловский // Русское богатство. – 1898. – Кн. 2. – С. 132–162.
- Одоевский, В. Ф. Русские ночи / В. Ф. Одоевский. – М. : Наука, 1975. – 320 с. (Сер. «Лит. памятники»)
- Пришвин, М. М. Мы с тобой. По дневнику 1940 года / М. М. Пришвин // Дружба народов. – 1990. – № 6. – С. 236–269.
- Соловьев, В. С. Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворения и поэма; Из «Трех разговоров»: Краткая повесть об антихристе / сост., вступ. ст., примеч. А. Б. Муратова. – СПб. : Худож. лит., 1994. – 528 с.
- Сибиряк, Д. Кум. (Святочный рассказ) / Д. Сибиряк // Новости и Биржевая газета. – 1888. – № 3 (от 3 янв.).
- Сибиряк, Д. Жизнь хороша. Очерк / Д. Сибиряк // Красный цветок: Литературный сборник в память В. М. Гаршина. – СПб. : Типография И. Н. Скороходова, 1889. – С. 135–143.
- Тулякова, Н. А. Святочный рассказ и легенда в творчестве Д. Н. Мамина-Сибиряка: сопоставительный анализ жанров / Н. А. Тулякова // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 432. – С. 24–31. – DOI: 10.17223/15617793/432/3.
- Щенников, Г. К. Необходимость Д. Н. Мамина-Сибиряка / Г. К. Щенников // Творчество Д. Н. Мамина-Сибиряка в контексте русской литературы : материалы научно-практической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Д. Н. Мамина-Сибиряка, 4–5 ноября 2002 г. – Екатеринбург : Объединенный музей писателей Урала, 2002. – С. 6–13.
- Щенникова, Л. П. Специфика святочного рассказа Д. Н. Мамина-Сибиряка / Л. П. Щенникова // Пушкинские чтения – 2007 : материалы XII Международной научной конференции. – СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2007. – С. 125–129.

REFERENCES

- Dergachev, I. A. (1992). Sotsial'naya utopiya D. N. Mamina-Sibiryaka [Social Utopia by D. N. Mamin-Sibiryak]. In D. N. Mamin-Sibiryak v literaturnom kontekste vtoroy poloviny XIX veka. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 120–138.
- Dmitrenko, S. F. (1998). Khudozhestvennoe svoeobrazie svyatochnykh rasskazov D. N. Mamina-Sibiryaka: kanon zhanrovoi formy i vozmozhnosti ee preobrazovaniya [Art Originality by D.N. Mamin-Sibiryak: Canon of Genre Form and Possibilities of Its Transformation]. In Podchinenov, A. V. (Ed.). Dergachovskie chteniya – 98: Russkaya literatura: natsionalnoe razvitiye i regionalnye osobennosti: materialy mezhdunarodnoi nauch. konferentsii. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, pp. 91–93.
- Dostoevsky, F. M. (1972–1990). Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. [The Complete Set of Works, in 30 vols.]. Leningrad, Nauka.
- Dushechkina, E. V. (1995). Russkii svyatochnyi rasskaz: stanovlenie zhanra [The Yule Russian Story: The Becoming of Genre]. Saint Petersburg, Yazykovoi tsentr SPbGU. 256 p.
- Gogol', N. V. (1994). Sobranie sochinenii: v 9 t. [The Set of Works, in 9 vols.]. Moscow, Russkaya kniga.
- Leskov, N. S. (1989). Sobranie sochinenii: v 12 t. [The Set of Works, in 12 vols.]. Vol. 7. Moscow, Pravda. 464 p.
- Mamin-Sibiryak, D. N. (1916). Rozhdesvenskie ogni. Svyatochnyi rasskaz [Christmas Lights. Yule Story]. Moscow, Tipografiya K. L. Men'shova. 31 p.
- Mamin-Sibiryak, D. N. (1917). Polnoe sobranie sochinenii: v 12 t. [The Complete Set of Works, in 12 vols.]. Vol. 12. Petersburg, Tovarischestvo A. F. Marks. 548 p.
- Mamin-Sibiryak, D. N. (1955). Sobranie sochinenii: v 8 t. [The Set of Works, in 8 vols.]. Vol. 8. Moscow, Goslitizdat. 752 p.
- Mikhailovsky, N. K. (1898). Literatura i zhizn'. Rozhdestvenskaya skazka g. Mamina. – Budushchnost' tsivilizatsii. – Vyrozhdienie i progress. – Darvinizm i nitshsheanstvo [Literature and Life. Christmas Story by c. Mamin. – The Future of Civilization. – Degeneration and Progress. – Darwinism and Nietzscheism]. In Russkoe bogatstvo. Book 2, p. 132–162.
- Minochkina, L. V. (2013). «Svyatochnye rasskazy»: transformatsiya zhanrovoi formy [“Yule Story”: Transformation of a Genre Form]. In Zyryanov, O. V. (Ed.). Tvorcheskoe nasledie D. N. Mamina-Sibiryaka: itogi i perspektivy izucheniya. Ekaterinburg, Bank kul'turnoi informatsii, pp. 181–201.
- Odoyevsky, V. F. (1975). Russkie nochi [Russian Nights]. Moscow, Nauka. 320 p.
- Prishvin, M. M. (1990). My s toboy. Soglasno dnevniku 1940 goda [We Are with You. According to the Diary of 1940]. In Druzhba narodov. No. 6, pp. 236–269.

Shchennikov, G. K. (2002). Neobkhodimost' D. N. Mamina-Sibiryaka [A Necessity by D.N. Mamin-Sibiryak]. In *Tvorchestvo D. N. Mamina-Sibiryaka v kontekste russkoi literatury: materialy nauchno-prakticheskoi konferentsii, posvyashchyei 150-letiu so dnya rozhdeniya D. N. Mamina-Sibiryaka*, 4–5 noyabrya 2002 g. Ekaterinburg, Ob»edinnyyi muzei pisatelei Urala, pp. 6–13.

Shchennikova, L. P. (2007). Spetsifika svyatochnogo rasskaza D. N. Mamina-Sibiryaka [A Specific of a Yule Story by D. N. Mamin-Sibiryak]. In *Pushkinskie chteniya – 2007: materialy XII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Saint Petersburg, LGU im. A. S. Pushkina, pp. 125–129.

Sibiryak, D. (1888). Kum. (Svyatochyi rasskaz) [A Godfriend. (A Yule Story)]. In *Novosti i birzhevaya gazeta*. No. 3.

Sibiryak, D. (1889). Zhizn' khorosha. Ocherk [A Wonderful life. An Essay]. In *Literaturnyi sbornik v pamyat' V. M. Garshina*. Saint Petersburg, Tipografiya I. N. Skorokhodova, pp. 135–143.

Solovyev, V. S. (1994). Chteniya o Bogochelevechestve; Stat'i; Stikhotvoreniya i poema; Iz «Treh razgovorov»: kratkaya povest' ob antikhriste [Reading about Godhumankind; Articles; Verses and a Poem; From “Three Talks”: A Short Novel]. Saint Petersburg, Khudozhestvennaya literatura. 528 p.

Tulyakova, N. A. (2018). Svyatochnyi rasskaz i legenda v tvorchestve D. N. Mamina-Sibiryaka: sopostavitel'nyi analiz zhanrov [A Yule Story and a Legend in D.N. Mamin-Sibiryak's Creation: A Comparative Genre Analysis]. In *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 432, pp. 24–31. DOI: 10.17223/15617793/432/3.

Данные об авторе

Зырянов Олег Васильевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия).

Адрес: 620000, г. Екатеринбург, пр-т Ленина, 51

E-mail: o.v.zyrianov@urfu.ru

Author's information

Zyryanov Oleg Vasilyevich – Doctor of Philology, Professor, Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)

Дата поступления: 27.02.2023; дата публикации: 30.03.2023

Date of receipt: 27.02.2023; date of publication: 30.03.2023